

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 7—17.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. 7—17.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19"-1

DOI: 10.46726/H.2022.1.1

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
СУБЪЕКТНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫХ МОДЕЛЕЙ
В КНИГЕ СТИХОВ К. КОРЧАГИНА «ВСЕ ВЕЩИ МИРА»**

Елена Евгеньевна Андреевна

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, lenaluna139@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется содержание и функционирование субъектно-пространственных моделей в поэтических текстах книги «Все вещи мира» К. Корчагина. Категория пространства, особый интерес к которой сформировался в XX веке, оттеснив главенствующую ранее категорию художественного времени, по-новому реализуется в инновативной поэтике через тесное взаимодействие с категорией субъективного. Лирический субъект в текстах Корчагина характеризуется целостностью и динамичностью, а характер взаимодействия с пространством носит изоморфный и хонтологический характер. В результате анализа были выделены две модели взаимодействия пространства и лирического субъекта. Субъектно-пространственные отношения в первой модели носят перекрестный характер, взаимодействие пространства и субъекта обоюдно. Во второй модели субъект и пространство взаимодействуют более обособлено, пространство аффектируется субъектом и встраивается им в поле эмпирических переживаний. Важным для Корчагина оказывается взаимодействие с концептом «коллективное субъективное», влияние которого обуславливает дефрагментированную и рассеянную форму пространственных объектов. Автор переосмысливается концепт травмы, которая перестает конвенционально восприниматься как негативное последствие разрушений, а приобретает роль портала, через которую происходит взаимодействие субъекта и пространственных объектов.

Ключевые слова: лирический субъект, пространство, субъектно-пространственная модель, инновативная поэзия, коллективное субъективное

Для цитирования: Андреевна Е.Е. Функционирование субъектно-пространственных моделей в книге стихов К. Корчагина «Все вещи мира» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 7—17.

Original article

THE FUNCTIONING OF SUBJECT-SPATIAL MODELS IN THE BOOK OF POEMS BY K. KORCHAGIN “ALL THINGS OF THE WORLD”

Elena E. Andreyanova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, lenaluna139@yandex.ru

Abstract. The category of space, the focus on which was formed in the twentieth century, having pushed aside the previously dominant category of artistic time, is realized in a new way in innovative poetics through close interaction with the category of the subjective. Kirill Korchagin is a prominent representative of the younger generation of authors who comprehend the artistic practices of post-conceptualism, whose subject-spatial relations are analyzed in this article. Against the background of contemporaries, the specificity of the lyrical subject in Korchagin's texts is distinguished by integrity and dynamism, and the nature of interaction with space is isomorphic and hontological. As a result of the analysis, two models of interaction between space and the lyrical subject were identified. The subject-spatial relations in the first model are of a cross nature, the interaction of space and the subject is mutual. In the second model, the subject and space interact more separately, the space is affected by the subject and built into the field of empirical experiences. Important for Kirill Korchagin is the interaction with the concept of “collective subjective”, the influence of which determines the defragmented and scattered form of spatial objects. The author rethinks the concept of trauma, which is no longer conventionally perceived as a negative consequence of destruction but acquires the role of a portal through which the subject and spatial objects interact.

Keywords: lyrical subject, space, subject-spatial model, innovative poetry, collective subjective

For citation: Andreyanova E.E. The functioning of subject-spatial models in the book of poems by K. Korchagin “All things of the world”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. 7—17.

Книга стихов Кирилла Корчагина «Все вещи мира» представляет интересный объект с точки зрения анализа субъектно-пространственных отношений. Корчагин как исследователь часто обращается к анализу функционирования данных категорий в инновативной поэзии [Корчагин 2013, 2016]. Близкой Корчагину оказывается структура «мерцающего субъекта», которая во многом повлияла на формирование поэтики молодых авторов, осмысляющих художественные практики постконцептуализма [Корчагин 2018]. Анализируя поэтику своих современников, Корчагин отмечает, что субъект их поэзии полифоничен, не линейен, состоит из множества различных дискурсов: «Проблема субъекта особенно важна для политической поэзии, так как именно с обретением субъективности связана возможность политического действия и “формирование некоей единичности, каковая является не самостью, но отношением самости к кому-либо другому”» [Корчагин 2013]. Однако структура лирического субъекта текстов самого Корчагина выделяется на фоне функционирования данной категории в инновативных текстах 2010-х годов. Если у большинства авторов он распаян, разобщен, конструируется из поэтических, социальных и политических категорий то у Корчагина субъект выражен наиболее целостно.

Интенция субъекта к объединению обладает сложной внутренней мотивировкой. Сама структура лирического субъекта определяет характер его отношений с пространством, фактура которого также впоследствии потребует пояснений и уточнений. Целостность субъекта Корчагина обусловлена его векторностью, потребностью постоянного перемещения, в котором происходит восстановление потерянных связей. Данный характер субъекта отмечал А.А. Житенев: «Для Корчагина его опыты связаны с “отказом от явно выраженной “позиции автора”” при сохранении “границ собственно лирического высказывания”; “лирическое” соотнесено с исследованием того или иного “коллективного мифа” при отсутствии “всякой прямой референции”» [Житенев: 106]. В этом проявляется дуализм субъектного устройства: с одной стороны, субъект распределен по пространствам, он скомпилирован из пейзажей и архитектурных построек, пасторальных ландшафтов и урбанистических топосов, сама его структура не замкнутая, а расщепленная и распределенная, но в то же время внешняя неравномерность служит способом распространения внутренней инкорпорированности:

мягкие складки рура мозельский виноград
в клочковатом старом тумане так на холмы
раздвигая ветви мы поднимаемся и огромные
лопасти простор разливают над нами — вот он
скользит по траве расправляя руки я не знал
никого кто бы видел его тогда но сам воздух
охвативший его приближает к почве держит
ровными крылья и нас заставляет смотреть
как пустеет деревня в ближайшей лощине
и вода проступает на оставленных стенах [Корчагин 2017: 30]

Субъект проникает в пространство («так на холмы раздвигая ветви мы поднимаемся»), входит в него, расставляя по пути движения топографические объекты. При этом нивелируются географические границы, расширяется перспектива субъектного взаимодействия с пространством. Пространства, выделенные субъектом, несут на себе отпечаток коллективного субъективного, нанесшего урон пространству при предыдущем взаимодействии: «огромные лопасти простор разливают над нами», «держит ровными крылья». Необходимо разделять лирического субъекта текста и субъектное как источник пространственного разрушения. Лирический субъект не становится частью предыдущего субъективного, хотя и взаимодействует с ним через пространства, которые отражают последствия предшествующего разрушительного влияния. Природное становится объектом разрушительного воздействия человека, оно приобретает дефрагментированную структуру, превращается в руины. Первоначальное субъективное насилие обуславливает агрессивный характер взаимодействия субъекта и пространства, ландшафт «заставляет смотреть как пустеет деревня в ближайшей лощине», на последствия техногенной и милитаристской деятельности, защищается от лирического субъекта как от потенциального носителя новых разрушений. Г. Рымбу в своем эссе «Обитатели руин», предваряющем корчагинскую книгу стихов, следующим образом характеризует подобную пространственную семантику: «Ландшафт разрушается не потому, что такова возвышенная фантазия поэта, не из-за внутреннего разлада, присущего субъекту, но вследствие реальной войны, порожденной машиной насилия, из-за катастрофы, которая дает о себе знать почти в каждом стихотворении этой книги» [Рымбу: 21]. Данная

формулировка достаточно точно характеризует то посттравматическое состояние, в котором предстает пространство в текстах Корчагина. Под влиянием происходивших на протяжении многих десятилетий вооруженных конфликтов, техногенных катастроф, оно оказывается в разрушенном и искаленном состоянии, из идеалистического космоса превращается в пугающий хаос.

где больше не встретить его — ни отпечатка
дыхания в густеющем воздухе ни гула
перелившегося через площадь захватившего
виноградники и сады (лишь в трубах шумят
их голоса копошатся в листве) но собаки
и старые люди могут услышать как вызревает
заря в узловатых ветвях как по отравленным
проводам струится она наши сердца разрывая [Корчагин 2017: 30]

Через пространственные медиаторы проявляются отголоски антропоморфного влияния: «лишь в трубах шумят их голоса копошатся в листве». Это призраки захватчиков и разрушителей, уничтоживших пространственное единство. Таким образом отпечаток субъективного проявляется в наделении ландшафта антропоморфными характеристиками: «отпечаток дыхания в густеющем воздухе», «гула перелившегося через площадь захватившего виноградники и сады». Стоит отметить концептуальное понимание Корчагиным пространства как живой подвижной материи, проявляемой в таких характеристиках природных объектов, как «воздух охвативший», «гула перелившегося», заря «вызревает» и «струится». Стертость областей органичного существования субъекта и пространства порождает перекрестное влияние одного на другое, в котором субъект приобретает черты пространственного, а ландшафт субъективируется.

Опосредованное взаимодействие лирического субъекта с предшествующим субъективным проявляется через тесное взаимодействие с природными топосами. Субъект одновременно не причастен к трагическому разрушению, но является носителем разрушительного ДНК: «я не знал никого кто бы видел его тогда». Но пространство как бы приобщает субъекта к процессу разрушения, агрессивно взаимодействуя с ним. Субъект через травму, нанесенную природой, приобщается к ее травме, становится носителем трагического ощущения разорванности и разомкнутости. Боль пространства «струится по отравленным проводам наши сердца разрывая».

Но эта расщепленность обусловлена тенденцией к восстановлению, а текучесть субъекта позволяет ему наполнять пространственные лакуны своей индивидуальностью. Парадоксальность субъекта текстов Кирилла Корчагина заключается в том, что зыбкость границ не влияет на внутреннюю целостность, она скорее помогает ему дистрибутивно выразить аффекты путем внешней структурной дефрагментированности. Однако стоит отметить тот факт, что субъект сознает, какие именно связи и в результате каких событий он потерял. Он не пытается нащупать зыбкие границы своего Я, потерянного в результате трагических катастроф, так как подвижность границ естественна для лирического субъекта текста. Фракционность субъекта обеспечивает свободу перемещений и воздействий, мотивировка которых кроется не в приобретении субъектом нового себя, не в встраивании в политический, социальный,

исторический контекст, а обнаружении забытой или скрытой в пространстве субъектности:

разрезающий скобы и блоки овевающий
сон что движется в травах холмов вывих
неслышимый хрип, свет стекающий тихо
в наши предглазья, сжатый удар духоты
затерявшийся в трубах перегорках
там где мы, мокрицы и мухи, свернуты
в прочные блоки завидуем свету и дню [Корчагин 2017: 32]

Антропоморфичность пространства обусловлена проникновением в него субъекта, в связи с этим природное приобретает телесные характеристики: «в травах холмов вывих», «неслышимый хрип», «сжатый удар духоты». Пространственная целостность оказывается взорвана субъектом изнутри, и он, будучи сам расщеплен и рассредоточен, встраивается в образовавшиеся лакуны. И потому влияние пространства и субъекта обоюдно, они принимают форму друг друга за тем только исключением, что через погружение в себя «иного» и себя в «иное» субъект не теряет интенции к объединению, встраивает травматический опыт в собственное поле аффектов: «разрезающий скобы и блоки овевающий сон / там где мы, мокрицы и мухи, свернуты в прочные блоки завидуем свету и дню». В текстах Корчагина часто возникает мотив воды, который отражает «агрегатное» состояние субъекта. Субъект также может растекаться, проникать, встраиваться, струиться, принимать форму, но по своей сути он остается целостным:

ни снов запечатленных в кристалле ни темной
волны охватывающей предметы ни страха полетов
перемещений но тело что тает в прибрежном песке

разрывается ткань городов солнце переваливается
через урал растекается над домами
над отвалами скользких пород [Корчагин 2017: 38]

Пространство становится таким же подвижным и текучим, как и субъект: «...солнце переваливается / через урал растекается над домами». Сам субъект тоже входит в пространство, постепенно проникает в него: «но тело что тает в прибрежном песке». Возникает контраст между плавностью и текучестью субъектной и пространственной формы с характером их взаимодействия: резкость разрушений соседствует с плавностью погружения. А. Гринбаум обосновывает частотность водных образов так: «Язык Корчагина, нежный, как соскальзывающая перевязка между поэзией и филологией, сплетён из жидкостей: из воды, нефти, крови, — а также из воздуха и единичности с ними огня. По сути, эти стихи — гидродинамика, перевоплощение первого инженерного образования автора, то есть не столько формулы сухомятной лингвистики, сколько уравнения живого течения речи» [Гринбаум].

Можно говорить о том, что травма интересует Корчагина как разлом, через который образуются трещины для последующего взаимодействия. Место разлома — это не только болезненная примета катастрофы, но и портал, сквозь который пространство и субъект могут проникнуть друг в друга: «пена оmyвает камни прокопченные стены мерзнут каштаны и на влажной земле в промежутках камней эта / внутренняя вода внутренний свет расщепленных / границ выплескивающийся на свободу там нет / никого надзиратели спят

поднимаются волны / трав и становятся выше окруженные солнцем цветы» [Корчагин 2017: 42]. Пространство обустроивается заново, сопоставляясь из природных ландшафтов, разрушенных зданий. Через процесс обустройства территорий заметна тенденция субъекта к гармонизации, он стремится к примирению субъективного и пространственного, снятию ощущения опасности, возникшего в результате осуществленной предыдущими поколениями агрессии. А.А. Житенев описывал подобную специфику как «рефлексию над опытом культуры, между эффектом непосредственного высказывания и подчеркнутой конвенциональностью, между “стилевым блеском и метафизическим скептицизмом”» [Житенев: 103].

Отметим, что взаимодействие субъекта и пространства носит порой симбиотический характер, сопровождающийся телесным проникновением:

по щиколотку вода и осыпаются созвездия
 обжигая кожу и иссушая сетчатку
 огненным шлейфом в плацентарном
 тумане где мы погруженные в грязь
 пьем эту черную воду [Корчагин 2017: 44]

На примере данного текста можно заметить, как посредством пространственного взаимодействия осуществляется связь субъекта с хонтологическим субъективным. Лирический субъект погружен в воду, пространство обволакивает его, нанося травмы: «осыпаются созвездия / обжигая кожу и иссушая сетчатку / огненным шлейфом в плацентарном / тумане». Но это травмы не пространства как сущности, а пространства как носителя насильственного субъективного, которое проявляется в процессе травмы. И через рану происходит совлечение пространства и субъекта, через которое лирический субъект приобщается к памяти пространства: «где мы погруженные в грязь пьем эту черную воду». Здесь также вновь можно отметить повторяющийся у Корчагина образ воды, который может быть считан как общее негативное субъективное, в которое субъект погружен и которое он поглощает. Но субъекту текстов Корчагина так или иначе свойственно стремление к гармонизации: «и он наблюдает за тем как по обнаженным / поручням сада скользит электричество / уходя в волокнистый песок» [Корчагин 2017: 44]. Попытка примирить разобщенные между собой топосы утопична, но субъект не мотивирован иллюзорной идеей создать мир, в котором все будут счастливы. Гармонизация пространств носит личностный характер, субъект пытается освоить разрушенные пространства в рамках собственного поля, попытка упорядочить и описать в его понимании уже становится определенным снятием тревоги и отрешенности. Рымбу, характеризуя специфику субъекта текстов Корчагина, отмечает в нем мессианистическое: «И в этих стихах, кроме наслаждения “конечностью” мира и человека, кроме драмы “конца” и образов распада культуры/природы, есть еще что-то, что не позволяет смертному наслаждению захватить воображение. “Утопия” и “апокалипсис” находятся в диалектических отношениях: за разрушением старого мира, его полным, окончательным исчезновением открывается возможность нового» [Рымбу: 23].

Отпечаток субъективного присутствует в пространстве изначально, субъект путешествует по нему как по карте, то приближая, то отдаляя территории. При этом стоит отметить, что данная динамика чаще всего хаотична и не упорядочена, но во взаимодействии данных художественных категорий, неизменным

остается главенствующее влияние субъекта, его лирическая интенция объединить топосы, выстраивая таким образом план субъектной реальности:

ночью к тебе постучится огромный двадцатый век
в гирляндах синеющей гари с углями в черных глазах
в одежде защитного цвета дышащей дымом болот
в пыли тверского бульвара обволакивающей ладони
проникающей прямо в сердца [Корчагин 2017: 65]

Субъект воспринимает пространства через призму собственного аффективного. Для него оно состоит из «гирлянд синеющей гари», одето в «одежду защитного цвета дышащей дымом болот», покрыто «пылью тверского бульвара». Гнетущая атмосфера разрушений проявляется в милитаристских метафорах, урбанистическое соплагается с природным, пористая структура пространства встраивается в субъектную рассредоточенность: «обволакивающей ладони / проникающей прямо в сердца». Однако это проникновение не столько насильственно-подчинительное, сколько объединяющее.

В связи с данным тезисом требует пояснения категория памяти. Это особая пограничная зона, в которой происходит синтез субъектного и пространственного. Память становится местностью, на которой равноправно сосуществуют топосы, чьи свойства совпадают с заданной субъектом системой координат. Это посещенные или аффективно присвоенные через культуру и литературу города, природные ландшафты. Память позволяет субъекту путем соположения и внедрения в аффективное пространство различных топосов выстроить поле контекстов и смыслов, в которых пространственные объекты служат медиаторами эмпирического опыта:

эти фразы меня беспокоят когда я иду
по москве — в тонкой пленке бульваров
поворачиваются фонари, я смотрю на тех
кто рядом идет и меня беспокоит огонь
их фаллических ног, их настоящая жизнь
сцепление их голосов [Корчагин 2017: 64]

Еще одно отличительное свойство памяти — вездесущность и тотальность воздействия. Пространства вбираются в субъективное через процесс вспоминания и запоминания, наделяются субъектом антропоморфными характеристиками, создавая таким образом подвижную и свободную структуру личного переживания. Субъект посредством взаимодействия с пространствами, которые в свою очередь приобретают внешние антропоморфные черты, осуществляет формирование топографии субъективного.

Необходимо прояснить отношения пространства и времени, которые возникают в связи с тем, что характер объектов так или иначе связан с исторической проблематикой. Для Корчагина одной из важнейших тем творчества являются отношения человека и истории, но истории не во временном смысле, а в топографическом. Время осознается субъектом как набор утраченных пространств, а ход истории воспринимается как смена топосов и ландшафтов, не планомерная, а иррационально-болезненная. Город же становится носителем примет пространств предыдущих, которые несут в себе следы коллективной травмы, рассеянной по вокзалам, бульварам, квартирам, стадионам и другим урбанистическим объектам. Субъект таким образом взаимодействует не со временем, а с совокупностью различных пространственных объектов, которые из разрозненных частей представляют собой

культурно-историческое поле смыслов и контекстов, принявших форму реальных мест: «бежишь мокрый от страха и дождя и пирамиды каштанов / разрываются над тобой над туманным франкфуртом / оглушенным воздушной войной и сквозь сирены / и отдаленные крики движется он разрезающий / влажную ночь — твой последний двадцатый век» [Корчагин 2017: 65]. Лирический субъект не пытается обособиться от травматического опыта, он движется сквозь пространственные объекты: «бежишь мокрый от страха и дождя», ощущая психологический и физический дискомфорт. Пространство развивается параллельно с ним: «движется он разрезающий влажную ночь». Из отдаленного «коллективного» историческое становится личным «субъективным»: «твой последний двадцатый век». Таким образом, все многообразие пространственных объектов приобретает чувственный характер, присваивается субъектом, становясь метками в поле его ощущений и эмоций. В. Гендлина справедливо отмечает: «Такое тотальное письмо ставит говорящего в этих стихах в сложную позицию: он невыносим исключительно в синхронном измерении, и он не только фиксирует распад времени, но и сам распадается в этом потоке, переставая принадлежать какой-либо определенной эпохе. Он субъект боли и свидетель раскола, “король разрывов”, обитающий в переломных моментах прошлого. Чужой травматический опыт становится для него своим, к чужой боли добавляется тоска по невозможности себя. Он, “смотрящий” истории, вынужден отказаться от коммуникации, от связей с Другим, от непосредственной близости — поэтому везде эта тоска по утраченному земному проступает тем больше, чем ее пытаются спрятать» [Гендлина].

Название книги «Все вещи мира» концептуально отображает идею объединения, присущую субъекту. Его движение сквозь и по пространственным объектам обусловлено желанием систематизировать и выделить все вещи материального мира, которые соответствуют его внутренней идентичности. Все вещи в данном контексте являются приметой той самой всеобъемлющей интенции субъекта к взаимодействию. Соположение географий, исторических контекстов, отголосков элитарной культуры с приметам маргинального социума — все это мир, из которого состоит субъект. Он обладает фактурой, запахом, звуком, его границы можно обнаружить в реальности, но ценность таких пространств не в них самих, а в той субъектной мотивировке, которую они приобретают:

в привокзальном туалете в остии
 телефоны мальчиков как во времена пазолини
 раскрывающийся от подземного пульса асфальт
 растрескавшееся побережье
 тянутся к траулерам ряды пляжных кабинок
 ниши в песке занимают бездомные
 столь же красивые как в москве молодые поэты [Корчагин 2017: 56]

Субъектное влияние наблюдается не только в тех формах взаимодействия с пространством, где перекрестное взаимодействие категорий осуществляется непосредственно, но и в более обособленном варианте. Субъект осуществляет навигацию в область чувственного, в качестве меток используя реальные топонимы, которые приобретают эмоциональные коннотации. Однако субъект не столько распределяется по пространственным объектам, сколько пытается собрать их в единый план местности, равномерно распределить в поле субъективного, определить границы и указать направление

движения. Это справедливо отмечает Х. Шталь: «...у Корчагина чернила меланхолии испаряются и просветляются туманом, тучами и облаками, ветром и дымом, порою звёздами, луной, даже молниями, солнцем, искрами и огнями. Печаль об утерянном объекте, контемплиция над поражениями левых идеологий заменяется созерцанием сегодняшних катастроф антропоцена, с которыми переплетаются и катастрофы исторические, иначе говоря: в стихах Корчагина *Angelus Novus* не глядит назад, как у Бенямина (и, впрочем, ангел-меланхолия у Дюрера), но, взлетая в буре истории, обращает взгляд одновременно назад и вниз, под себя, а краем глаз — ещё и косится вперёд» [Шталь]. Пространство субъективируется путем попадания в поле зрения субъекта, его фокусировкой на чувственных коннотациях, но данная субъективация не влияет на формальные функции пространства. Оно остается целостным, но служит материалом для аффективной картографии:

и вот они в переулке недалеко от северного
вокзала — 10 евро у одного, у другого 7
я их придумал когда слушал в москве
стихи об арабах и террористах когда
под корнями бульваров билось и расцветало
теплое техно ночного парижа, октябрьский
яд сквозняков [Корчагин 2017: 85]

Субъект путешествует по аффективному пространству: «я их придумал когда слушал в москве стихи об арабах и террористах». В поле вымышленного, когда субъект сам устанавливает векторы движения, пространство может сохранять свои функции, иллюстрировать чувственное состояние субъекта. Это топосы, которые несут в себе субъективное:

и на поэтических чтениях все меньше народу —
и если мы собираемся у электротейтра или идем
в новый крафтовый бар то кто-нибудь спросит
как же случилось что здесь мы стоим пока пласт
за пластом движется время под холодной тверской
и на кутузовском там за мостом в оранжевых
вспышках дорожных работ асфальт раскрывается
высвобождая все то тепло что мы тогда потеряли [Корчагин 2017: 85]

Меланхолическая окрашенность отмеченных субъектом пространств обусловлена настроением лирического субъекта. В этом проявляется схожесть субъекта текстов Корчагина с лирическим субъектом романтизма. Это отмечает С. Огурцов в своем комментарии к текстам Корчагина: «Формообразующая свобода текста от позиции автора, которую постулирует Кирилл Корчагин, ближе не к структуралистскому, а к романтическому представлению: за рамки текста выносятся не автор, но позиция. Художник, таким образом, мыслится как чистый сверхпроводник, только вместо духовдохновенных озарений мы имеем некую объективную реконструкцию “коллективного мифа”... Но есть или нет автора — позиция всегда остается. Искусство как таковое во многом и есть позиция, так как последняя — это лишь точка обзора, иначе говоря — субъект» [Огурцов].

Таким образом, на протяжении книги можно наблюдать функционирование следующей субъектно-пространственной модели: $S(\Pi) — (\Pi)S$. Она базируется на перекрестном влиянии субъекта и пространства, в котором субъект, обладая дефрагментированной внешней структурой, погружаясь/входя

в пространства, приобретает его функции. Часто субъект сам начинает функционировать как пространственный объект, встраиваясь в руинистический ландшафт. Пространства же, в свою очередь, приобретают субъектность, их антропоморфичность проявляется в физиологических характеристиках, они становятся подвижными и активными. Однако изоморфное влияние обусловлено еще и тем фактом, что пространственная расщепленность возникла в результате воздействия коллективного субъективного, и лирический субъект приобщается к пространственной травме. Также в текстах находит свое проявление модель, в которой взаимодействие субъекта и пространства носят не симбиотический, а хонтологический характер. Лирический субъект путем тесного или дистанцированного, проникающего/насильственного или исследовательского/топографического взаимодействия с пространственными объектами вступает в контакт с призраками предшествующей субъективности, проявляемой через пространственные корреляты. Данную модель можно обозначить как $S — P — S'$. Первую модель можно обозначить как более диффузную, в ней пространство выступает и в качестве участника, и в качестве медиума. Во второй модели пространство более обособлено, взаимодействие лирического субъекта с ним происходит контекстуально. Неизменной в обеих моделях остается главенствующая роль субъекта, его мотивированность к восстановлению чувственной и материальной целостности.

Список литературы / References

- Гендлина В. Разрыв повседневного: о книге Кирилла Корчагина «Все вещи мира» // Дискурс. 2017. 7 авг. URL: <https://discours.io/articles/culture/razryv-povsednevnogo-o-knige-kirilla-korchagina-vse-veschi-mira> (дата обращения: 11.01.2022).
(Gendlina V. The gap of everyday: about Kirill Korchagin's book "All things of the world", *Discourse*, 2017, 7 aug. — In Russ.)
- Гринбаум А. Кириллу Корчагину: Вторая тоска // Воздух. 2020. № 40. URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2020-40/grinbaum/> (дата обращения: 09.01.2022).
(Grinbaum A. To Kirill Korchagin: The second longing, *Vozduh*, 2020, no. 40. — In Russ.)
- Житенев А.А. Поэзия неомодернизма: монография. СПб.: ИНАПРЕСС, 2012. 480 с.
(Zhitenev A.A. The poetry of neo-modernism: a monograph, St. Petersburg, 2012, 480 p. — In Russ.)
- Корчагин К. «Маска сдирается вместе с кожей»: способы конструирования субъекта в политической поэзии 2010-х годов // Новое литературное обозрение. 2013. № 6. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/124_nlo_6_2013/article/10699/ (дата обращения: 12.01.2022).
(Korchagin K. "The mask is torn off with the skin": ways of constructing the subject in the political poetry of the 2010s, *New literature review*, 2013, no. 6. — In Russ.)
- Корчагин К. Пространство и субъект в поэзии Геннадия Айги // Russian literature. 2016. № 79—80. С. 111—124.
(Korchagin K. Space and subject in the poetry of Gennady Aygi, *Russian Literature*, 2016, № 79—80, pp. 111—124. — In Russ.)
- Корчагин К. Все вещи мира. М.: Новое лит. обозрение, 2017. 136 с.
(Korchagin K. All things of the world, Moscow, 2017, 136 p. — In Russ.)

- Корчагин К.М. Возвращение «мерцающего» субъекта: московский концептуализм и поэзия 2000—2010-х годов // *Субъект в новейшей русскоязычной поэзии — теория и практика*. Берлин: Peter Lang Verlag, 2018. С. 383—396.
(Korchagin K.M. The return of the “flickering” subject: Moscow conceptualism and poetry of the 2000—the 2010s, *Subject in the newest Russian-language poetry — theory and practice*, Berlin, 2018, pp. 383—396. — In Russ.)
- Огурцов С. Стиль зла: (комментарий к подборке К. Корчагина) // *Транслит*. 2011. № 9. URL: <http://www.trans-lit.info/materialy/9-vypuski/sergej-ogurtsov-stil-zla-kommentarij-k-podborke-k-korchagina> (дата обращения: 10.01.2022).
(Ogurtsov S. The style of evil: (Commentary on the selection of K. Korchagin), *Translit*, 2011, no. 9. — In Russ.)
- Рымбу Г. Обитатели руин // Корчагин К. Все вещи мира. М.: Новое лит. обозрение, 2017. С. 5—24.
(Rymbu G. Inhabitants of the ruins, *Korchagin K. All things of the world*, Moscow, 2017, pp. 5—24. — In Russ.)
- Шталь Х. Кириллу Корчагину: Джины слов, или Магическая меланхолия // *Воздух*. 2020. № 40. URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2020-40/stahl/> (дата обращения: 11.01.2022).
(Shtal H. To Kirill Korchagin: Gins of words or Magical melancholy, *Vozduh*, 2020, no. 40. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.01.2022; одобрена после рецензирования 19.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 14.01.2022; approved after reviewing 19.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Андреянова Елена Евгеньевна — аспирантка кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, lenaluna139@yandex.ru

Andreyanova Elena Evgenievna — Postgraduate student of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, lenaluna139@yandex.ru